

УДК 9(571.53)

Иркутск и иркутяне глазами польского ссыльного («Сибирский дневник» Юлиана Сабиньского)

Т. А. Перцева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Представлено новое издание «Польско-сибирской библиотеки» Иркутского областного историко-мемориального музея декабристов. Не издававшийся ранее в полном объеме «Сибирский дневник» польского ссыльного Ю. Сабиньского позволяет не только уточнить условия пребывания в Иркутске и его окрестностях польских ссыльных, их состав, но и уровень взаимоотношений с различными категориями иркутян: чиновниками, купцами, русскими ссыльными, их вклад в культурное развитие города.

Ключевые слова: поляки, Ю. Сабиньский, декабристы, ссылка, Сибирь, мемуары, иркутское общество, купцы, чиновники, образование, культурное влияние.

История пребывания в Сибири польских ссыльных и их взаимоотношений с местным населением в русской, советской и российской историографии освещена несколько односторонне. Как правило, рассматривался правовой аспект – благодаря хорошей сохранности официальных документов (приговоров, донесений о надзоре, удовлетворенных и неудовлетворенных прошений) и вклад их в культурное развитие края (научные исследования, литературное, музыкальное и художественное творчество). Пожалуй, особняком (в положительном смысле) стоит вопрос об отношениях поляков и декабристов, однако и здесь заметна определенная односторонность. Впрочем, удивляться этому особенно не приходится из-за относительной узости источниковой базы. За редким исключением исследование проблемы базируется на источниках, исходящих только от одной стороны: воспоминания и эпистолярный декабристов и их жен, сибирских чиновников, купцов, местной интеллигенции, немногочисленных путешественников, наезжавших в этот отдаленный край.

Это отнюдь не значит, что с другой стороны не делалось попыток описать и осмыслить то, что происходило с «польскими сибиряками» в ссылке. Политические ссыльные, которым не запрещена была переписка с родными, пусть и под неусыпным оком III Отделения, а особенно если выдавалась надежная оказия, безусловно, делились своими впечатлениями о новых местах, порядках и людях, с которыми сталкивались. По возвращении некоторые из них, так же как и их русские братья, писали воспоминания о минувшем (обращение к мемуаристике – весьма характерное явление того времени). По мнению известной польской исследовательницы Виктории

Слизовской, для прошедших ссылку «память Сибири была делом личным и общенациональным, имела в себе что-то от миссии» [8, с. 71]. Но большинство этих источников, хотя о них было известно, не получили широкого распространения в России и даже не были переведены. К ним обращались в основном ученые-полонисты, довольствуясь, правда, чаще только цитированием необходимых для решения их задач фрагментов.

Это во многом способствовало закреплению в сознании русского читателя убеждения, что достаточно долгое пребывание в Сибири неизбежно вело к стиранию противоречий между поляками и русскими, к пониманию и принятию ими общности целей и задач, «поддержанию революционных настроений в общественных кругах» и, следовательно, «укреплению интернациональных связей», являющихся своеобразным цементом «всего социалистического содружества» [3, с. 160; 10, с. 22]. Разумеется, здесь сказывалось влияние существовавших в те времена идеологических стереотипов, и их соблюдение было почти обязательным условием для разработки этой проблематики. Впрочем, некоторые советские исследователи, ознакомившись со многими польскими воспоминаниями и оценив их значимость и многоплановость, высказывали надежды на расширение круга источников: «На данной стадии мы не можем ограничиться известными в литературе выдержками, мы должны искать в источниках именно то, что освещает особенно интересующие нас аспекты» [2, с. 118].

Значительный вклад в осуществление задачи поиска, публикации и анализа новых видов источников по истории польской ссылки в Сибирь внес иркутский историк Б. С. Шостакович [4].

«Дневник моей неволи» польского ссыльного, «конарщика» Юлиана Сабиньского занимает особое место среди воспоминаний его товарищей. Во-первых, потому, что это одно из немногих произведений, написанных не много лет спустя, когда стирается острота впечатлений и происходит определенная переоценка пережитого. Бесспорно, по возвращении на родину мемуарист вносил некоторые коррективы, однако основу его огромного труда составили все же записи, сделанные в далекой Сибири. Именно поэтому дневник сохранил такое количество имен и характеров вольных и невольных сибиряков, важных и обыденных происшествий, которые позволяют на многие хорошо известные события взглянуть по-новому. Во-вторых, необычна и сама судьба этого источника. О дневнике Сабиньского историкам было известно давно [13; 4]. Однако о его местонахождении долгое время не было достоверных сведений. После Второй мировой войны даже считалось, что рукопись, хранившаяся в раперсвильском собрании Национальной библиотеки в Варшаве, погибла в пожаре. Биография автора, круг его знакомств (а следовательно, и каких-то подробностей их жизни и деятельности), упоминания о непреодолимой склонности к изложению на бумаге всего с ним происходящего в воспоминаниях товарищей, описание дневника и выписки из него, сделанные М. Яником в конце 1920-х гг., заставляли историков сожалеть о потере столь ценного источника. Впрочем, история знает немало случаев возвращения из небытия считавшегося без-

возвратно утраченным. Именно это произошло с рукописью Ю. Сабиньского. В 1976 г. Отдел рукописей Библиотеки Оссолинских во Вроцлаве приобрел у частного лица экземпляр последней части «Дневника», озаглавленной «Поселение», а в 1993 г. профессор А. Вольтановский обнаружил единственный полный экземпляр этого документа в библиотеке Вильнюсского университета. Знакомство с этим памятником нестигаемости личности человека, противостоящего преследующим его несчастьям (и физическим, и духовным), и его действенного интереса к жизни и окружавшим его людям оправдало надежды как польских, так и российских историков [9; 12]. Подготовка к публикации сибирского дневника известного деятеля общественного движения Польши заняла более полутора десятков лет. Только в 2009 г. в Варшаве вышло полное издание этого уникального документа с развернутыми комментариями В. и Р. Сливовских [15].

Публикация дневника на русском языке именно в Иркутске также имеет свою историю и творилась как бы с двух сторон. С одной стороны, к ней был причастен профессор Иркутского университета, известный полонист Б. С. Шостакович, с другой – директор Иркутского музея декабристов Е. А. Ячменев. Первый, занимаясь историей польской ссылки, в своих исследованиях постоянно натывался на упоминания о Сабиньском в разного рода источниках и, естественно, пытался найти какие-то дополнительные сведения о нем и его творении. Благодаря знакомству с польскими историками Я. Трынковским и А. Вольтановским он сумел познакомиться с интересующим его источником и начал искать возможности для перевода его на русский язык (для него одного это был слишком большой объем – более 3000 рукописных листов) и дальнейшей публикации.

Примерно в то же время о находке «Дневника» Ю. Сабиньского стало известно директору Иркутского музея декабристов Е. А. Ячменеву. В 1999 г. музей получил копию последней части этого документа под названием «Поселение», в большей своей части посвященной пребыванию «политического ссыльного» в Иркутске. Отдельные фрагменты были приведены в работе «Иркутский театр и декабристы» [14]. Предпринятые автором поиски возможностей для ознакомления иркутян с новым источником по истории их города были продолжены после его ухода новым директором музея Е. А. Добрыниной. Первым опытом стала совместная публикация университетского профессора и музейных работников сборника фрагментов из воспоминаний польских ссыльных, в число которых вошли и страницы из дневника Сабиньского [1]. Следующим шагом стала подготовка полного русского издания дневника польского ссыльного. Благодаря деятельной помощи сотрудников Генерального консульства Республики Польша М. Зелиньского и А. Вальчак удалось получить разрешение профессора Виктории Сливовской на публикацию на русском языке подготовленного ею издания, а также финансовую поддержку. В 2014 г. вышел первый, а год спустя второй том «Сибирского дневника» [6; 7]. Два тома включают полный текст «Сибирского дневника» с 1838 по 1857 г., предисловие профессора Я. Трынковского с биографическими данными об авторе, примечания и ком-

ментарии, а также именной указатель. К несомненным достоинствам пополнения издаваемой музеем серии «Польско-сибирская библиотека» следует отнести деликатный и квалифицированный перевод О. Г. Басовой. Нельзя не отметить редакторскую работу А. В. Глюк, особенно если учитывать не только большой объем этого труда, но и обилие польских имен и фамилий, в том числе и хорошо нам знакомых, в транскрипции, несколько отличающейся от привычной (Казимир – Казимеж, Кржижановский – Кшижановский).

Юлиан Сабиньский (Юлиан Гляубич Сабиньский) родился 23 февраля 1797 г. в небогатой дворянской семье на Подолье. Большое влияние на формирование его политических и художественных взглядов оказал известный польский поэт и переводчик Раймунд Корсак, который ввел его в круг местной творческой интеллигенции. Патриотические чувства привели Сабиньского в «Союз свободных братьев-подолян», а затем, в ноябре 1830 г., в ряды повстанцев. После поражения восстания он около полугода провел в заключении и в июле 1832 г. был освобожден по амнистии. В 1834 г. он женился на Пелагии Даровской, подарившей ему двух сыновей и дочь. Однако заботы о семье (жена была больна туберкулезом) не помешали ему примкнуть к конспиративному Обществу польского народа, возглавляемому Ш. Конарским. 12 октября 1838 г. Сабиньский был арестован и приговорен к ссылке в Сибирь «на тяжкие работы» на 20 лет, хотя вину свою не признавал, о чем неоднократно упоминал позже в своем дневнике.

Путь от Тобольска до Иркутска Сабиньский, как и большинство его товарищей, проделал пешком в ножных кандалах. Наказание отбывал в Усольском соляном заводе. Слабое здоровье и хорошее знание нескольких языков позволили ему избежать тяжелых физических работ: он стал учителем детей начальника завода А. П. Мевюса. Здесь он узнал о смерти жены, что негативно повлияло на его здоровье и восприятие жизни. В 1843 г., в результате очередной царской «милости», он был переведен на поселение. К этому времени его талант педагога был оценен, и начальство смотрело сквозь пальцы на то, что, будучи приписан к жительству в с. Грановщина, постоянно проживал сначала в Урике в семье декабриста Волконского, а затем в Иркутске, где давал уроки детям как высокопоставленных иркутских чиновников, так и местных коммерсантов. Освобожденный по амнистии 1856 г., Сабиньский смог выехать в Каменец-Подольский только осенью 1857 г.

По возвращении на родину он не принимал активного участия в общественном движении, но само его положение, особое, подчеркнуто уважительное отношение общественности к сибирскому изгнаннику делало его подозрительным в глазах властей. Участие в траурном богослужении памяти погибших польских патриотов 1 апреля 1861 г. привело к новому аресту и ссылке под надзор полиции в Чернигов. Здесь он продолжил работу над своим дневником. По мнению историков, были сделаны три собственноручные копии, предназначенные детям. Снова вернуться в Подолию ему не пришлось: 28 февраля 1869 г. Юлиан Сабиньский скончался.

Новое издание Иркутского музея декабристов, несомненно, станет подарком российским и сибирским историковедом. Согласно классификации, предложенной Н. П. Матхановой [5, с. 50–51], «Дневник» Ю. Сабиньского может и должен быть отнесен к значительным памятникам сибирской мемуаристики, причем самого широкого диапазона как в хронологическом (почти 20 лет), так и в географическом (от Каменец-Подольска до Иркутска) смысле. Но главное, конечно, заключается в обширности исторической проблематики – тех тем, вопросов, персоналий, которые нашли отражение (порой даже неосознанно, мимоходом) в дневнике польского ссыльного.

Не менее интересным и полезным будет это издание и историкам, изучающим конкретно-исторические темы: историю сибирской ссылки, складывания различных диаспор в регионе, взаимоотношений социальных слоев с властью и между собой, формирования местной системы образования; биографии приезжих и коренных иркутян. Возможно, значительную часть сообщаемых им сведений нельзя отнести к абсолютно новым. Однако благодаря дневниковым записям уточняется их датировка, расширяется круг причастных к ним лиц, находится психологическая мотивация поступков, т. е. известные факты получают дополнительные значимость и достоверность. Так, в записях от 17 и 27, 29, 31 августа 1848 г. Сабиньский не только сообщает точную дату отъезда из Иркутска генерал-губернатора В. Я. Руперта, но и рисует обстановку, сложившуюся после этого в городе: «В Иркутске теперь царит полное безвластие. Господин Падалка, который должен был заменить генерал-губернатора, до сих пор не приехал, и как тут поговаривают, может и не приехать. А при отсутствии верховной власти вполне понятно, что страдают дела всего края. ...Куда ни придешь, везде обязательно застанешь разговоры о новом генерал-губернаторе, а отсюда разные домыслы, предположения и выводы. ...Иной же с не меньшей уверенностью... заявлял, что после Руперта уже вообще не будет в Иркутске генерал-губернатора, поскольку господин Пятницкий получил у царя такие полномочия, что обе власти – гражданского и генерал-губернатора – будут соединены в его лице» [7, с. 501–502]. И только 14 октября слухам был положен конец: «Весть о генерал-губернаторе подтвердилась официальным объявлением из сегодняшней почты. А что еще лучше, мы убедились, что не этот гродненский, а совершенно другой Муравьев будет преемником Руперта. Неизвестно только, когда он сюда приедет. А пока его место занимать будет Пятницкий, как выше званием, чем Падалка» [7, с. 513].

Разумеется, в центре внимания автора дневника были его соотечественники, оказавшиеся в Сибири, как и он сам, чаще всего не по своей воле. Он считал своим долгом сохранить имена всех, с кем его свела судьба, поэтому в дневнике приведено не менее двух сотен фамилий поляков, причем о большинстве из них Сабиньский сообщает дополнительные сведения: откуда родом, по какому делу сослан, перемещения в пределах Сибири, прибытие жен, заключаемые браки, род и успешность занятий, место и причины смерти. Бесспорно, эти данные позволяют не только уточнить количественный состав политических ссыльных 1830–1850-х гг., но и расширить саму

проблематику изучения польской ссылки, ее включенности и степени участия в общественной и культурной жизни Иркутска. Неменьший интерес проявлял он и к полякам, добровольно или по долгу службы приехавшим в этот отдаленный край. В дневнике представлены характеристики врачей В. Панкевича и Ф. Коженевского, чиновников разного ранга Б. К. Кукеля, К. Лисковецкого, И. И. Залеского, Ф. В. Хмелевского, священников К. Шайдевича и Д. Хачиского.

Борьшой интерес для иркутских историков представляют и страницы, посвященные декабристам. С поселенными вокруг губернского города государственными преступниками Сабиньский познакомился в январе 1840 г. С самого начала между ними возникли достаточно теплые, доверительные отношения, возможно, потому что многие из них (С. Г. Волконский, А. П. Юшневский, А. З. Муравьев, А. В. Поджио, В. А. Бечаснов) служили на Украине, были знакомы с людьми, известными их новому товарищу, знали или хотя бы понимали польский язык. Особый интерес вызывал М. С. Лунин, долго живший в Польше, приверженец католического исповедания. Несколько лет, проведенных в семье Волконских, когда Сабиньский готовил будущего товарища министра просвещения и члена Государственного совета к поступлению в гимназию, позволили ему запечатлеть на страницах своего дневника немало подробностей урикского и иркутского периодов их жизни: круг друзей, официальных и неформальных знакомых, отношение к ним властей, участие в общественной жизни города, бытовые условия. Это не только может служить дополнительным источником для научных исследований, но и оказать практическую помощь в деятельности музея. Так, например, нередкие перечисления книг, любезно предоставленных ему «княгиней Марией» [6, с. 552, 667], дают возможность более полно восстановить библиотеку декабриста.

Щепетильность Сабиньского в стремлении сохранить чувство собственного достоинства, его сомнения относительно природы иногда оказываемых ему послаблений и помощи, неоднократно высказываемые на страницах дневника, позволяют сделать некоторые выводы о представителях местной администрации и их отношении к своим обязанностям. Узнав о желании начальника Усольского завода А. П. Мевюса поручить ему занятия с собственными детьми вместо «тяжких работ», он поинтересовался, не будет ли это «служебным злоупотреблением», с одной стороны, и «одолжением» из жалости, с другой. В ответ он услышал весьма своеобразную сентенцию. «Да оставьте Вы уже в покое тяжкие работы, – сказал он, будучи в некотором замешательстве. – Кто сейчас не знает, как к этому следует относиться?.. Целью правительства была скорее высылка вас из страны, где ваши мысли, принципы и стремления оно считало опасными для себя, чем точное исполнение, надо признать сурового приговора. Я же знаю и многих среди русских ссыльных 1826 г., с некоторыми нахожусь в хороших отношениях и искренне их уважаю, знаю так же, как их уважают местные власти и первые люди государства. А ведь они тоже были приговорены к тяжким работам» [6, с. 398–399]. Покровительство, какими бы причинами оно ни было вызва-

но (соображения выгоды, личная симпатия, ходатайство уважаемых лиц), было проявлением произвола провинциального начальства, хотя и весьма специфического и не абсолютного. В январе 1842 г. Сабиньский записывает: «Сегодня утром приехал Немировский. ...Леопольду велели выехать из города дней на двадцать. И это по причине ожидаемого там генерала Фалькенберга (начальника 8-го округа корпуса жандармов. – *Т. П.*), с которым Руперт сейчас в ссоре» [6, с. 650]. Впрочем, автор дневника приводит примеры произвола и противоположного свойства: «...как Немировский живет в Иркутске, так там мог быть и Щепковский, уже год как приглашаемый возглавить городской оркестр с зарплатой 1000 рублей в год, если бы полковник из-за личной выгоды не старался препятствовать такому улучшению положения моего друга» [6, с. 670]. В то же время Сабиньский зафиксировал в своем дневнике и практику распространения слухов и доносов, и существовавшее в местном высшем обществе соперничество. «Вечером я услышал неприятное известие, – записывает он 12 ноября 1842 г., – что из-за найденных в Иркутске записок с угрозами устроить в городе пожар разошелся среди уличной толпы, а вскоре и между купцами слух, бросающий подозрение в этом преступлении на государственных преступников (т. е. россиян, осужденных в 1826 г.) и на польских политических ссыльных. В ответ на такой слух гражданский губернатор Пятницкий, человек очень ограниченный, издал приказ, чтобы и первые и вторые, находящиеся в это время в городе, сразу же были вывезены в места своего поселения. Правда, генерал Руперт это раскритиковал. Говорят даже, что за этот безрассудный шаг он строго отчитал господина Пятницкого» [6, с. 734].

Кроме фактов, имеющих более или менее важное историческое значение, в дневнике Сабиньского отражено множество сведений бытового характера, живо рисующих жизнь губернского города и его обитателей. Здесь и метеорологические заметки об августовских заморозках и небывалой февральской оттепели, и записи о ценах на продукты, как обыденные, так и экзотические для этих широт (например, ананасы). Любопытны рассказы о модном магазине француза Алибера, который «обдирает нагло и немилосердно», пользуясь «всеобщей здесь жаждой хвастовства дорогими, хотя плохими и ненужными покупками» [7, с. 31], и соперничестве пансионеров для девочек шведа И. П. Карлсберга и французов А. И. и Ю. Ф. Ришье [7, с. 461, 487]. Совершенно в духе повестей для уездных барышень выглядит рассказ о вдруг возникшей в Иркутске моде на «именники» (дамские альбомы), ставшей «всеобщей страстью сибирских женщин. ...И поэтому знакомые и незнакомые должны волей-неволей платить этот оброк, часто бессмыслицей или лестью, а часто и тем и другим. Отказаться невозможно, ведь в смелости просьб и настойчивости сибирский прекрасный пол превосходит дам всего мира. Госпожа Полторанова, которая на днях должна была уехать в Калугу, где ее мужу дали должность, на прощание каждого встречает со своим дневником. Ну и мы трое не избежали этой судьбы. Немировскому пришлось сделать какой-то рисунок, Щепковскому сочинить и напи-

сать музыкальный отрывок, а мне пришлось что-то написать, правда, получилось ни то, ни се» [6, с. 741].

Мастерски сделанные (чувствуется несомненное литературное дарование) зарисовки порядков и нравов середины позапрошлого века, увы, свидетельствуют, что до сих пор сохраняются не только добрые, но и не самые привлекательные черты в нашей общественной жизни. Так, 12 ноября 1841 г. Сабиньский рассказывает о подготовке к приему высокого начальства: «В Усолье большое движение. Господину Руперту захотелось вчера приехать в Тельминскую фабрику, никого об этом не предупредив. Поэтому сегодня Мевуис, пораженный этим внезапным известием, поехал туда в надежде этого достойного гостя привезти сюда на обед. А тем временем все в суматохе, хлопотах и беспокойстве. Чиновники наряжаются в расшитые мундиры, писари подготавливают рапорты, певцы с самого рассвета уже приготовили в кабаке свое горло к пению приветственной кантаты, музыканты тоже не хотят им уступать, дудят и пиликают какую-то несчастную увертюру... женщины верещат при мытье полов (один из главных догматов сибирской веры), военные силы выступают в параде, полицейские с криком выгоняют жителей убирать снег на улице, полицмейстер Василевский, как второй Фуше, вездесущий, с грозным видом раздает приказы и делает распоряжения, после чего вскакивает на коня и несется галопом, чтобы через четыре-пять верст морозить нос на протяжении нескольких часов на большом тракте. ...Губернатору захотелось сегодня остаться в фабрике. А значит, завтра снова будет повторение той же самой шутки, не обязательно привлекательной для повторяющих, а для властелина Восточной Сибири, скорее всего, безразличной» [6, с. 628–629].

Впрочем, в дневнике ссыльного поляка есть немало примеров и иного свойства. Особенно много он говорит о стремлении представителей разных слоев иркутян расширить круг своих знаний. Основным его занятием и средством существования в ссылке были уроки французского, немецкого, итальянского, польского языков. Среди его учеников были не только дети местной элиты, но и кандидаты в студенты, учителя гимназии и воспитательницы Девичьего института, чиновники губернских учреждений и жены богатых купцов [7, с. 131, 304–305, 437, 487, 715.]. Нередко на страницах дневника появляются описания музыкальных и литературных вечеров, официальных и импровизированных концертов, проходивших не только в признанных за эталон салонов «ссылных княгинь» Трубецкой и Волконской, но и у директрисы Девичьего института М. А. Дороховой, купчихи А. К. Медведниковой, чиновника А. И. Ришье [7, с. 212, 294, 334, 587, 721]. Это позволяют лучше понять, как и почему сложились богатые культурные традиции нашего города.

Можно поздравить иркутян, получивших в канун очередного юбилея города новый источник сведений о его прошлом. Не исключено, что кое-кто из сегодняшних жителей узнает дополнительные сведения и о своих предках.

Список литературы

1. Воспоминания из Сибири: Мемуары, очерки, дневниковые записи польских политических ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия / публ., сост., пер., вступл., предисл., коммент. Б. С. Шостаковича. – Иркутск : Арт-издат, 2009.
2. Дьяков В. А. Польская ссылка эпохи декабристов / В. А. Дьяков // Сибирь и декабристы. – Иркутск, 1978. – Вып. 1.
3. Коваль С. Ф. Польские ссыльные после Кругобайкальского восстания 1866 г. / С. Ф. Коваль // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XX в.). – Новосибирск, 1975.
4. Левак А. Собрание Раперсвильской библиотеки / А. Левак. – Варшава, 1929. – Т. 1.
5. Матханова Н. П. Сибирская мемуаристика XIX века / Н. П. Матханова. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2010.
6. Сабиньский Ю. Сибирский дневник : в 2 т. / Ю. Сабиньский. – Иркутск : Иркут. музей декабристов : Артиздат, 2014. – Т. 1.
7. Сабиньский Ю. Сибирский дневник : в 2 т. / Ю. Сабиньский – Иркутск : Иркут. музей декабристов : Артиздат, 2015. – Т. 2.
8. Сливовская В. Молитвенники польских ссыльных как источник сведений о судьбах поляков в Восточной Сибири / В. Сливовская // Сибирско-польская истории и современность: Актуальные вопросы : сб. материалов Междунар. науч. конф. – Иркутск, 2000.
9. Трынковский Я. Юлиан Сабиньский (1797–1869) и его «Дневник» – уникальный источник по истории ссыльных поляков и не только / Я. Трынковский // Сотрудничество российских и польских историков: достижения, проблемы, перспективы. Изучение и публикация исторических источников в России и Польше. – М., 2011.
10. Шостакович Б. С. Историография политической ссылки поляков в Сибири в XIX – начале XX века / Б. С. Шостакович // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX – февраль 1917 г.). – Иркутск, 1985. – Вып. 9.
11. Шостакович Б. С. История поляков в Сибири (XVIII – XIX вв.) / Б. С. Шостакович. – Иркутск, 1995.
12. Шостакович Б. С. Сибирский «Дневник моей неволи» Юльяна Сабиньского: поиски и находки по следам уникального исторического источника / Б. С. Шостакович // Сибирская ссылка (XIX–XX вв.). – Иркутск, 2003. – Вып. 2(14). – С. 82–93.
13. Яник М. История поляков в Сибири / М. Яник. – Краков, 1928.
14. Ячменев Е. Иркутский театр и декабристы. (1850–1861) / Е. Ячменев. – Иркутск, 2000.
15. Sabiniski J. G. «Dziennik syberyjski». Do druku z rękopisu przygotowali Wiktoria i René Śliwowsy. Wstęp Jan Trynkowski / Julian Glaubicz Sabinisk. – Warszawa : Neriton-Institut Historii PAN, 2009. – Т. 1–3.

Opinion of a Polish Exile on Irkutsk and Its Dwellers («Siberian Diary» by Julian Sabinsky)

T. A. Pertseva

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article concerns a new edition of the “Polish-Siberian library” of Irkutsk regional historical and memorial museum of Decembrists. A complete edition of “Siberian

Diary” by a Polish exile Julian Sabinsky enables to specify composition of Polish exiles and their living conditions in Irkutsk and its suburbs, as well as level of relationship with Irkutsk dwellers of different social classes: government officials, merchants, Russian exiled. The author considers the contribution made by Polish exiles to the cultural development of the town.

Keywords: the Poles, J. Sabinsky, Decembrists, exile, Siberia, memoirs, Irkutsk society, merchants, government officials, education, cultural influence.

Перцева Тамара Алексеевна

*кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории России
Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)24-05-22
e-mail: pta_999@mail.ru*

Pertseva Tamara Alekseyevna

*Candidate of Sciences (History),
Associate Professor, Department
of History of Russia
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952)24-05-22
e-mail: pta_999@mail.ru*